

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 2086-2096
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.2086

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Influence of the Russian-French Convention of 1911 on the Development of Copyright in the Russian Empire

Ekaterina A. Sviridova ^{a, *}, Ruslan V. Mamedov ^a, Gulnara F. Ruchkina ^a, Tatiana V. Larina ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article examines the legal significance and specifics of the provisions of the Russian-French Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 1911. Considerable attention is paid to the analysis of archival and historical and legal documents, as well as to a comparative historical and legal study of the content of the national legislations of the Russian Empire and the French Republic and their relationship to the norms of the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 1886, revised in Berlin on November 13, 1908. An additional source of research was the international treaties and legal doctrine of the late 19th and early 20th centuries, which led to the conclusion about the complex and asymmetric nature of the mutual provision of copyright protection between the two countries. The article analyzes the key aspects of the Convention: the criterion of the place of the first publication, the protection of photographic works, the right to translation and mechanical reproduction of musical works. The purpose of this study is to conduct a historical and legal analysis of the impact of the 1911 bilateral Convention on the development of copyright relations between Russia and France. It is concluded that the Convention failed to fully ensure the principle of mutual and equivalent copyright protection due to differences in national legislation. It is proved that the law of the Russian Empire of March 20, 1911 *de jure* provided broader protection to foreign works, but its implementation for French authors became possible only after the conclusion of the 1911 Convention. The author concludes that the Convention has provided a significant advantage to French authors in the Russian market, while Russian authors have received only partial additional protection in France. Based on the analysis of the institute of the "legal original" and the rules on translation, a conclusion is drawn about the progressive nature of Russian legislation that facilitated cultural exchange.

Keywords: the Russian-French Convention of 1911, the history of copyright, the law of 1911, the Berne Convention, the right to translation, mechanical reproduction, reciprocity, protection of photographs.

1. Введение

Исследовательское внимание к международным взаимодействиям и анализу связей между отдельными национальными законодательствами в области защиты авторских прав имеет глубокие исторические корни. Этот научный интерес сохранял свою актуальность даже в период расцвета национально-исторических изысканий. Примечательно, что основы сравнительно-исторического подхода в литературоведении были заложены именно в XIX веке (Седельник, 1986: 253). Тем не менее, процесс осознания Россией своей принадлежности к единому мировому культурному пространству развивался неравномерно, отличался скачкообразным характером и сложной, нелинейной динамикой.

Международные литературные соглашения, сложившиеся в ходе длительного культурного взаимодействия между странами, сохраняют свою значимость и в современных условиях

* Corresponding author

E-mail addresses: esviridova@fa.ru (E.A. Sviridova), rvmamedov@fa.ru (R.V. Mamedov), gruchkina@fa.ru (G.F. Ruchkina), tvlarina@fa.ru (T.V. Larina)

глобализации. Ярким примером служит Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 года. Литературный обмен между народами – это не просто движение текстов, но диалог правовых традиций (Duchesne, 1835: 222), поскольку именно через договоры формируются устойчивые механизмы защиты интеллектуальной собственности и культурного наследия.

Данное историко-правовое исследование позволяет выявить как общие закономерности развития авторского права в начале XX века, так и его специфику, отражённую не только в нормах международного права, но и в двусторонних соглашениях, таких как Конвенция для защиты литературных и художественных произведений между Россией и Францией 1911 года. Правовой режим литературных произведений как части интеллектуальных ресурсов, представляющий собой совокупность юридических средств и мер регулирования соответствующих отношений, характеризуется сочетанием универсальных принципов охраны авторских прав и особых условий их реализации в межгосударственных договорах. Однако применительно к началу XX века необходимо учитывать не только общие нормы международного права, но и специфику двустороннего регулирования, требующего дифференцированного подхода к анализу правовых традиций каждой из сторон.

Конвенция для защиты литературных и художественных произведений, заключённая между Россией и Францией 29 ноября 1911 года (Конвенция..., 1911), стала важным этапом в развитии международного авторского права, закрепив взаимное признание прав авторов России и Франции. В отличие от более ранних соглашений, она предусматривала не только защиту от несанкционированного перевода и воспроизведения, но и создавала правовые основы для системного культурного обмена. Особое значение имело то, что Конвенция учитывала как французскую систему авторского права, так и российские законодательные традиции, что позволяло гармонизировать регулирование в условиях различий национальных правовых систем. Таким образом, изучение русско-французской Конвенции 1911 года требует комплексного анализа, учитывающего как нормы позитивного права, так и историко-культурный контекст, в котором формировались принципы международного сотрудничества в области защиты авторских прав. Этот документ не только заложил основы правовой защиты интеллектуальной собственности, но и способствовал углублению культурных связей между двумя странами, оставаясь важным примером успешного правового регулирования в сфере межгосударственного литературного обмена.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужили различные письменные источники, отражающие развитие международных соглашений в области авторского права: тексты двусторонних договоров, дипломатическая переписка, законодательные акты и материалы международных конференций. Хронологические рамки анализа (1857–1912 годы) обусловлены тем фактом, что в историко-правовой науке формирование международно-правового режима авторского права Российской империи принято относить к периоду присоединения к Бернской конвенции, тогда как мы попытались показать, что фундаментальные шаги по выстраиванию двусторонней системы защиты интеллектуальной собственности предпринимались значительно ранее – начиная с Русско-французского договора о торговле и мореплавании 1857 года (Трактат..., 1857), который предусматривал последующее заключение литературного договора, успешно подписанного четыре года спустя, 6 апреля 1861 года (Конвенция..., 1861). Мы сделали выборку и провели анализ текстов ключевых международных договоров и дипломатической переписки за указанный период, которых оказалось достаточно для формирования целостной картины.

Основными юридически значимыми документами, используемыми в работе, стали Конвенция от 6 апреля 1861 года (Конвенция..., 1861), в рамках которой Россия и Франция приняли на себя обязательство «определить особой конвенцией способы для взаимного обеспечения литературной и художественной собственности в их обоюдных государствах» (Черкасов, 2011), и подписанная 29 ноября 1911 года Конвенция для защиты литературных и художественных произведений между Россией и Францией 1911 года (Конвенция..., 1911).

В качестве дополнительных источников в работе использовались: Закон Российской империи от 20 марта 1911 года о защите авторских прав (Закон..., 20 марта 1911 года); закон Великого Княжества Финляндского о правах литераторов и художников на произведения их деятельности от 15 марта 1880 года (Закон..., 1880); практика применения русско-французской конвенции 1911 года, раскрываемая в дипломатической переписке и парламентских дебатах, хранящихся в фондах Российского государственного исторического архива; материалы Берлинской конференции 1908 года по пересмотру Бернской конвенции, содержащие стенограммы выступлений российской делегации. Значимыми историко-правовыми источниками являются исследования по истории авторского права Я.А. Канторовича (Канторович, 1916), С.А. Белячкина (Белячкин, 1912), А.А. Пиленко (Пиленко, 1894), Р.Б. Д'Оржеваля (Д'Оржеваль, 1872). Они позволили сделать вывод о том, что внешнеполитическая деятельность российского правительства в сфере авторского права и до попыток вступления в Бернский Союз носила вполне определённые черты последовательной, хотя и осторожной, правовой политики, направленной на защиту национальных интересов.

При проведении исследования были использованы общенаучные методы: аналитический, системно-структурный, сравнительно-исторический, типологический и хронологический. Применение указанных методов позволило выявить причины, этапы и особенности формирования системы международной охраны авторских прав в России, проанализировать и систематизировать имеющиеся данные о франко-русских соглашениях в области интеллектуальной собственности.

3. Обсуждение

В современной отечественной историко-правовой науке мало работ монографического уровня, посвящённых комплексному исследованию становления и эволюции системы международно-правовой защиты авторских прав в России в её поступательном развитии на протяжении второй половины XIX – начала XX веков. Можно назвать лишь ряд исследований, затрагивающих отдельные исторические аспекты данной проблематики. В частности, имеется обширный корпус научных трудов дореволюционных правоведов, в которых освещались частные догматические вопросы авторского права, такие как работы Я.А. Канторовича (Канторович, 1916), С.А. Беляцкина (Беляцкий, 1912), А.А. Пиленко (Пиленко, 1894) и других.

Однако данную тему нельзя назвать исчерпанной. Огромный массив нормативного материала, включая международные конвенции и внутреннее законодательство, равно как и широкий спектр его возможных интерпретаций, а также подходов к изучению и усвоению этого историко-правового опыта на современном этапе, позволяет считать появление всё новых комплексных исследований по данной проблематике в достаточной степени актуальным и полезным.

Среди современных изысканий основную группу составляют работы, связанные с изучением отдельных аспектов законодательства и государственной политики, такие как труды М.Д. Чуповой (Чупова, 2000), Н.Н. Доцик (Доцик, 2008), Н.Б. Верховой (Верхова, 2006). История зарождения воззрений на правовую природу авторского права стала предметом исследования Л.И. Алехиной (Алехина, 2006). Проблемы охраноспособности отдельных видов произведений рассматривались в работах Е.Ю. Ястребовой (сравнительный анализ) (Ястребова, 2009) и Н.Б. Верховой (литературные произведения) (Верхова, 2006). Однако целостная картина формирования государственно-правовой политики в области интеллектуальной собственности в указанный период до сих пор не получила всестороннего монографического освещения.

4. Результаты

Первые договорные отношения в области защиты интеллектуальной собственности между Россией и Францией сложились во второй половине XIX века. После денонсации в 1887 году русско-французского договора 1861 года (О прекращении действия..., 1887) Россия на четверть века вышла из системы международных соглашений в области авторского права, сопротивляясь попыткам включить её в глобальные процессы унификации. Однако участие представителей российской делегации в международных конференциях не прекращалось. Так, в 1878 году, несмотря на личную неприязнь к творчеству Виктора Гюго, Ивану Сергеевичу Тургеневу пришлось сотрудничать с ним на Международном литературном конгрессе по авторским правам, проходившем в Париже, где Гюго был избран президентом конгресса, а Тургенев – вице-президентом. Поскольку Россия была одной из стран, где активно переводились и публиковались произведения иностранных авторов (особенно французских), на русскую делегацию легла основная нагрузка в дискуссиях. Тургенев, выступая в роли вице-президента, произнёс краткую речь, которую позже в письме к П.В. Анненкову назвал «крупницей сахара», поднесённой организаторам конгресса. Ситуация для русской делегации была сложной: помимо художественных произведений, в России переводилось множество научных и популярных текстов, за которые авторы не получали вознаграждения. Кроме того, переводы часто выполнялись студентами, для которых это был важный источник дохода. Введение строгих авторских прав могло лишить их заработка и нанести ущерб издательскому и театральному рынку.

15 июля 1904 года Германии удалось внести в германо-русский договор о торговле и судоходстве (Германо-русский договор..., 1904) дополнительный пункт, согласно которому Россия обязалась вступить в переговоры по поводу присоединения к Бернской конвенции в течение трёх лет с момента вступления в силу указанного договора, то есть до 28 февраля 1909 года. Та же позиция была принята Россией позже в отношении Франции в договоре от 16 сентября 1905 года. Но это обязательство не удалось выполнить в установленный срок, потому что к тому времени Россия приступила к пересмотру своего внутреннего законодательства. Поскольку Россия никоим образом не хотела предоставлять иностранцам по договору права, превышающие права, предоставляемые собственным гражданам по её закону, пришлось подождать, пока не будет выработана окончательная форма для того, чтобы поставить переговоры на прочную основу, в частности, в отношении основного права на перевод. В результате России удалось договориться, прежде всего, с Францией, и заключить первую двустороннюю конвенцию, которая была подписана 29 ноября 1911 года.

На первом заседании Берлинской конференции 14 октября 1908 года действительный государственный советник Российской империи Б.Ф. Булацель от имени российской делегации сделал следующее заявление: «В то время как Россия все более интенсивно обменивается

литературными, музыкальными и художественными произведениями с зарубежными странами, мое правительство считает, что настало время, когда этот обмен должен быть урегулирован в соответствии с международными соглашениями. Договоренности, которые были достигнуты в результате работы Международного союза, несомненно, занимают первое место. Правительство Российской Империи делегировало нас на конференцию, чтобы мы приняли участие в ее работе с целью содействия возможному вступлению России в Международный союз по охране литературной и художественной собственности» (*Débat parlementaire*, 1912). В докладе члена палаты депутатов от блока левых Теодора Рейнаха говорилось: «На мгновение могло показаться, что Россия откажется от пути особых соглашений и просто присоединится к Международному Бернскому Союзу, который уже объединяет половину европейских государств в единое целое. В 1908 году российские делегаты выступили в качестве приглашенных на конференцию в Берлине для пересмотра Бернской конвенции. Однако, несмотря на то, что они, возможно, были очень заинтересованы и находились под влиянием интересных дебатов, в которых они участвовали, они не сочли нужным обязывать свое Правительство подписать в высшей степени либеральный документ, который увенчал работу этой Конференции. Легко понять, что Россия при нынешнем состоянии своего общественного мнения и своего внутреннего законодательства не осмелилась пройти те этапы, на которые Международному союзу потребовалось двадцать два года. Однако она могла бы, чтобы избежать переходных периодов, присоединиться к Союзному акту с оговорками, придерживаясь в некоторых пунктах изначальных положений 1886 или 1891 года. Во всяком случае, до тех пор, пока Россия предпочла остаться в системе отдельных договоренностей со странами, следует приветствовать, что именно со своим союзником, Францией, она решила иметь дело первой» (*Rapport*, 1913).

После принятия в России Закона от 20 марта 1911 года о защите авторских прав, российское и французское правительства возобновили переговоры о заключении двустороннего соглашения. Для детальной проработки вопроса при Министерстве юстиции Российской империи было создано Особое совещание с участием представителей заинтересованных ведомств. Французская сторона проявила инициативу, представив проект соглашения, который был передан российскому МИД и стал основой для обсуждения. Особое Совещание провело два заседания (19 и 21 июля 1911 года), по итогам которых разработало контрпроект. По результатам переговоров между представителями России и Франции, проходивших осенью 1911 года в Париже, большинство изменений и дополнений, предложенных Особым Совещанием, были согласованы в редакции, благоприятной для российских интересов.

Особое Совещание, анализируя статью 1 Конвенции для защиты литературных и художественных произведений между Россией и Францией 1911 года, предусматривающую взаимное предоставление российским и французским подданным национального режима в сфере авторского права, отметило дисбаланс в законодательствах двух стран. Французское авторское право оказалось менее разработанным по сравнению с российским, что создавало риск неравной защиты интересов: французские авторы в России могли получить больше преимуществ, чем русские во Франции. Для устранения этого дисбаланса в заключительной части статьи 1 было введено положение о дополнительных «выгодах», специально предусмотренных Конвенцией. Это означало, что после её ратификации права российских авторов во Франции будут защищаться не только по нормам французского законодательства, но и на основе конвенционных норм, компенсирующих его пробелы. Таким образом, Конвенция 1911 года гармонизировала уровень защиты, обеспечивая русским авторам гарантии, выходящие за рамки французского национального режима.

Конвенция для защиты литературных и художественных произведений между Россией и Францией была более ориентирована на предметную взаимность, то есть эквивалентность прав, нежели на простое приравнивание статуса иностранцев к статусу граждан. Применять к российским авторам французское законодательство, в то время как французские авторы должны были довольствоваться в России ограничительным законом, во многих отношениях не соответствовало реальным интересам и не способствовало побуждению России пойти на дальнейшие уступки после нескольких лет переговорных испытаний. Таким образом, русско-французская Конвенция 1911 года содержит, наряду с принципом ассимиляции, ряд положений, предусматривающих обязательное право для обеих стран. Бернская конвенция называет эти виды положений императивного права, которые гарантируют минимальную защиту во всех странах Бернского Союза, «правами, специально предоставленными Бернской Конвенцией». Ограничение, введенное таким образом в принцип ассимиляции принципом взаимности, по существу несколько уравнивается включением положения о наибольшем благоприятствовании, в соответствии с которым любое преимущество, предоставленное впоследствии одной из Договаривающихся Сторон третьей державе, будет по праву предоставлено авторам другой страны. Но и здесь этот более либеральный подход был обусловлен условием взаимности; кроме того, было предусмотрено исключение в отношении льгот или привилегий, предоставляемых в соответствии с конвенциями Международного союза, к которым может присоединиться одна из сторон. Этим правительство Франции хотело избежать обязанности предоставить России национальный режим с того момента, как новая страна позже войдет в

Бернский Союз, чтобы Россия не смогла пользоваться преимуществами Бернской конвенции, не неся при этом обязанностей.

Действие Конвенции для защиты литературных и художественных произведений 1911 года распространялось на всю территорию каждого из договаривающихся государств, включая их колонии и владения. Это положение представлялось необходимым для чёткого определения положения в отношении Финляндии. Сомнения на этот счёт могли возникнуть в свете параграфа 2 статьи 32 закона Великого Княжества Финляндского от 15 марта 1880 года, сформулированного таким образом: «Положения настоящего закона могут быть объявленными полностью или частично применимыми императором в смысле условия взаимности к произведениям авторов и художников других стран, с которыми были бы заключены соглашения по этому вопросу» ([Закон..., 1880](#)). Но если в Финляндии все права, специально оговорённые в Русско-французской конвенции, были гарантированы французским авторам, так же как и финским авторам во Франции, то возникал вопрос в отношении прав, гарантированных внутренним законодательством: стал бы применяться финский закон, без каких-либо иных оснований, благодаря Конвенции, или для этого потребовался бы специальный акт императора. Поскольку российский закон от 20 марта 1911 года применялся в России и, в силу формального положения, в Польше и Остзейских губерниях, справедливо признать, что финский закон сохранял свою силу на территории Великого Княжества Финляндского даже в отношениях с Францией, поскольку права обеспечивались национальными законами для граждан.

Русско-французская конвенция защищает, с одной стороны, авторов – граждан каждой из двух стран, независимо от места публикации произведения, а с другой стороны, авторов любого литературного или художественного произведения, впервые опубликованного во Франции или в России, какой бы ни была национальность этих авторов. Т. е. принцип национальности автора и территориальный принцип охраны произведения здесь действуют параллельно. Бернская конвенция в редакции, действующей в то время, защищала права граждан стран Бернского Союза независимо от условий территориальности только в отношении неопубликованных произведений, в то время как для отредактированных переводов требовалось издание на территории Бернского Союза, чтобы не подрывать господство издательской торговли в странах Бернского Союза и не создавать экспортную надбавку. Таким образом, французские авторы могли представлять, исполнять, выставлять свои неопубликованные произведения где угодно, не теряя при этом защиты Бернской конвенции, но они лишались этой защиты с момента опубликования своих произведений в первый раз в стране, не являющейся членом Международного Бернского Союза. Количество французских произведений, которые оказались в такой ситуации, несомненно, минимально, поскольку французские авторы проявляли большой интерес к публикации своих произведений сначала в странах, говорящих на их языке, все из которых принадлежат Бернскому Союзу. Таким образом, с этой практической стороны превосходство Конвенции 1911 года над Бернской конвенцией для французских авторов было мало ощутимо. Совсем иной была ситуация у российских авторов: если они решались опубликовать свои работы за границей, им следовало выбрать в качестве страны первой публикации государство Бернского Союза, потому что тогда они смогли бы сослаться на статью 6 пересмотренной Бернской конвенции, которая гарантировала им более широкую защиту, чем Русско-французская конвенция 1911 года, особенно в отношении права на публикацию перевода.

Перечень произведений, охраняемых в соответствии с Русско-французской конвенцией, повторял текст пересмотренной в Берлине Бернской конвенции, включая речи, уроки, лекции и проповеди, брошюры и планы, а также эскизы и пластические работы, постановки драматического или музыкально-драматического произведения. Кроме того, переводы, а также воспроизведение литературных и художественных произведений кинематографическим или любым другим аналогичным способом, являлись охраняемыми как оригинальные произведения, без ущерба для прав автора оригинального произведения. Однако Русско-французская конвенция, согласно заявлению французского правительства, не применялась к промышленному искусству, т. к. оно не было защищено российским законом от 20 марта 1911 года. В этом Теодор Рейнах видел бесконечный пробел, что негативно отражалось на французской художественной индустрии, которая и «впредь будет свободно и безнаказанно подвергаться разграблению на берегах Невы. Будем надеяться, что сам прогресс промышленного искусства наших союзников однажды натолкнёт их на мысль защитить его и, в качестве ответного шага, защитить наше собственное от паразитизма производителей контрафакта» ([Rapport, 1913](#)). Руководитель соответствующего отдела Министерства иностранных дел Российской империи А.К. Бентковский так высказался по этому поводу: «Русский закон 1911 года, предшествовавший русско-французской Конвенции, не распространяется на произведения искусства, относящиеся к известной отрасли, подлежащей охране, или может распространяться на последние только в том случае, если это указано в Конвенции; формула, "независимо от достоинств и предполагаемого назначения произведения", расплывчата и из неё нельзя сделать никаких выводов в пользу включения произведений прикладного искусства в число произведений, охраняемых в литературной, научной или художественной области, которые перечислены в ограничительном порядке в статье 2 Конвенции» ([Lettre, 1912](#)). В отношении этого ограничительного положения противоположного мнения придерживался Эдуард Совель, полагающий, что перечень произведений

в статье 2 Русско-французской конвенции не является исчерпывающим, поскольку после общего понятия «литературные и художественные произведения» указано на «любую продукцию литературной, научной или художественной сферы», что исключает любую идею ограничения.

Французское и российское национальные законодательства установили одинаковый срок защиты литературных и художественных произведений: 50 лет со дня смерти автора. Тем не менее, в этом отношении существовало небольшое различие, которое, как показывает случай с произведениями Вагнера, может иметь своё значение. В то время как этот посмертный срок во Франции исчислялся со дня смерти автора, российское законодательство предусматривало, что установленные для авторского права сроки начинают течь с 1 января года, в котором умер автор произведения или было опубликовано произведение. Поскольку в двусторонних соглашениях всегда применяется наименьший срок, французские авторы в отношении аналогичных произведений пользовались в России менее длительной охраной. Разрыв между двумя законодательствами гораздо более значителен, когда речь идёт о фотографических произведениях. Российское законодательство защищало их только в течение 10 лет с начала года их публикации; правда, этот срок увеличивался до 25 лет для фотографий, опубликованных в виде сборников или серии изображений, представляющих историческую или научную художественную ценность; срок также продлевался до основного срока охраны произведений в отношении фотографий, которые являлись частью литературного произведения. С другой стороны, в Великом Княжестве Финляндском фотографии были защищены авторским правом только в течение 5 лет с конца года их публикации. Французское законодательство не регулировало срок охраны анонимных и псевдонимных произведений, которые находились под защитой российского законодательства в течение 50 лет со дня публикации.

В результате проведения сравнительного историко-правового исследования возникает вопрос, принесла ли русско-французская Конвенция 1911 года какие-либо изменения в части правового регулирования и защиты авторских прав на территории Российской империи, учитывая, что российский закон 1911 года на момент вступления в силу Конвенции 1911 года уже запрещал любые фактические нарушения прав на определённые произведения иностранных авторов. Действительно, статья 32 не допускала перепечатку литературных произведений, опубликованных за рубежом и охраняемых в соответствии с законодательством страны происхождения, при условии, что срок такой охраны согласно иностранному праву не превышал срока, установленного российским законом для своих граждан. Статья 44 содержала аналогичное положение, касающееся музыкальных произведений. Репродуцирование в России произведений, впервые опубликованных за рубежом, было запрещено без разрешения автора. Однако при толковании в совокупности с нормой статьи 4 закона 1911 года, в которой говорилось о лицах и охраняемых произведениях, можно прийти к выводу, что запрет контрафактной продукции относился только к произведениям, обнародованным русскими авторами за границей, и никоим образом не относился к иностранным произведениям в целом. Таким образом, последние оставались без какой-либо защиты, если автор являлся гражданином иностранного государства.

Иное положение дел существовало во Франции, где согласно Декрету от 28 марта 1852 года было запрещено опубликование и перевод опубликованных за границей произведений (*Décret, 1852*). При этом в Декрете ничего не было сказано о публичном исполнении таких произведений. Помимо этого, права иностранных авторов во Франции были ограничены правами, которые им предоставляло собственное государство, а срок действия авторских прав иностранца на территории Франции не мог превышать срока их действия по национальному закону автора. Кроме того, правовая защита предоставлялась лишь тем произведениям иностранных авторов, экземпляры которых были задепонированы в Национальной Библиотеке Франции. Таким образом, благодаря заключённой двусторонней Конвенции с Россией французские авторы приобрели право на перевод, переработку и публичное исполнение в Российской империи, в то время как российские авторы получали дополнительную защиту лишь в отношении права на публичное исполнение и переложение музыкальных произведений.

Следует отметить явное преимущество для французских авторов положений Конвенции 1911 года по сравнению с Бернской конвенцией: Русско-французская конвенция распространяла своё действие на произведения, опубликованные в третьих странах, в том числе не относящихся к Бернскому Союзу.

Часть 2 статьи 1 Конвенции для защиты литературных и художественных произведений 1911 года устанавливала, что её положения применяются к литературным и художественным произведениям, впервые опубликованным на территории одной из договаривающихся стран. Аналогичного правила не содержалось в российском Законе от 20 марта 1911 года, однако в международных соглашениях (включая Бернскую конвенцию) критерий места первой публикации необходим для определения сферы действия международных соглашений. В отличие от Бернской конвенции, в Русско-французской конвенции также не раскрывался термин «опубликование». Так, согласно статье 4 Конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 года в действующей на тот момент редакции, не признавались опубликованием театральные постановки, исполнение музыкальных произведений, выставки

художественных работ, возведение архитектурных сооружений. Таким образом, в период действия Русско-французской конвенции впервые исполненное во французском театре произведение иностранного автора не защищалось положениями Бернской конвенции, если оно было впервые опубликовано в стране, не относящейся к Бернскому Союзу. Если применять толкование правила части 2 статьи 1 Русско-французской конвенции основываясь на положениях статьи 4 Бернской конвенции, это означало бы невозможность защиты авторских прав лица, не являющегося гражданином Франции, чьё литературное произведение было исполнено на театральной сцене во Франции, но опубликовано в другой стране. Столь узкий подход к авторско-правовой защите в рамках русско-французской Конвенции привёл бы к ограничительному её действию лишь в отношении литературных произведений, впервые репродуцированных на территории одной из договаривающихся стран.

Для обеспечения надлежащего применения принципа территориальной охраны произведения, а также для чёткого определения отправной точки сроков охраны авторских прав требовалось определить понятие опубликования произведения, как это сделала Бернская конвенция. При отсутствии определения во французском и русском законах можно предположить, что российский законодатель также рассматривал обнародование как эквивалент опубликования произведения, поскольку в статье 16 российского закона 1911 года срок охраны определялся с даты обнародования произведения.

Русско-французская конвенция 1911 года позволила снять неопределённость по поводу охраны фотографических произведений французских авторов. В рамках Закона Французской республики от 19 июля 1793 года (в редакции от 11 марта 1902 года) ([Loi, 1793](#)) защите подлежали авторские права на литературные, музыкальные, архитектурные, скульптурные произведения и произведения живописи и графики. Несмотря на открытый характер перечня охраняемых произведений во французском законодательстве, допускающий расширительное толкование, оставались дискуссионными вопросы правовой квалификации фотографий. Во французской правовой доктрине сформировались три подхода: отрицательный, при котором фотографии не обладают признаками художественных произведений; положительный, полностью приравнивающий фотографии к объектам художественного творчества; оценочный, требующий индивидуальной квалификации каждого случая судами.

Русско-французская конвенция 1911 года включила фотографии в число охраняемых объектов авторских прав и устранила тем самым правовую неопределённость для российских авторов фотографических произведений в отношении охраны их прав на территории Франции.

В отношении права на перевод российское законодательство обеспечивало расширенную защиту иностранных произведений через институт «юридического оригинала». Принятая конструкция создавала благоприятные условия для культурного обмена. Статьей 34 Закона Российской империи от 20 марта 1911 года был установлен принцип равнозначности языковых версий: все языковые варианты произведения, изданные одновременно, признавались равноправными оригиналами. При этом данная норма носила императивный характер и сохраняла действие при применении международных соглашений. В контексте российско-французских отношений это означало, что произведения французских авторов, первоначально изданные в России в русском переводе, приобретали статус русского оригинального произведения и пользовались полной авторско-правовой охраной наравне с произведениями русских авторов.

В первоначальной редакции Бернской конвенции охране подлежали только санкционированные правообладателем переводы, чем подчёркивался принцип производности перевода от оригинала. Однако данное положение было изменено в рамках Берлинской конференции, в результате которой стали признавать самостоятельный авторский статус переводчика, что исключало возможность ссылки на противоправность перевода при требовании компенсации правообладателю. Произошла унификация подхода к рассмотрению перевода как оригинального произведения и действию презумпции авторских прав переводчика в Бернской конвенции в редакции 1908 года, российском законодательстве 1911 года и Российско-французской конвенции 1911 года. Это, в свою очередь, привело к расширению объектов авторско-правовой охраны, трансформации понимания природы переводного творчества в сторону самостоятельности прав авторов производных произведений. Тем самым был установлен баланс интересов авторов оригинальных и переводных произведений и созданы предпосылки для современной системы охраны авторских прав переводчиков.

В статье 42 Закона от 20 марта 1911 года было закреплено исключительное право композиторов на механическое воспроизведение их музыкальных произведений, ограниченное институтом принудительного лицензирования, который распространял своё действие и на иностранных правообладателей (ст. 11 Русско-французской конвенции). Французская правовая система в рамках Закона от 16 мая 1866 года устанавливала принцип свободы механического воспроизведения музыкальных произведений ([Villey, 1917](#)). В этом проявилась асимметрия авторско-правовой защиты: французские композиторы в России пользовались полной защитой авторских прав, но с ограничением в виде принудительного лицензирования, а российским композиторам во Франции предоставлялась

ограниченная защита (только для вокальных произведений). Таким образом, положения Русско-французской конвенции не соответствовали Бернской конвенции, как и национальное законодательство обеих стран, что приводило к неполной реализации принципа взаимности.

Закон Российской империи от 20 марта 1911 года, как и Бернская конвенция, не требовал для авторов соблюдения каких-либо формальностей в виде регистрационных процедур или специальных доказательств авторства для возникновения авторского права на произведение. Однако, в отличие от действующей в России презумпции авторства через указание имени на титульном листе, что в полной мере соответствовало международным правовым тенденциям того времени, французский Закон от 19 июля 1793 года сохранял архаичные требования в виде обязательного депозита двух экземпляров произведения в Национальной Библиотеке. Статья 14 Русско-французской конвенции 1911 года отменила французские формальности для российских авторов, что способствовало упрощению правовых механизмов защиты, устранению дискриминационных барьеров для авторов обеих стран и гармонизации с международными актами.

5. Заключение

В начале XX века культурные связи между Францией и Россией переживали период интенсивного развития. Одним из ключевых событий, закрепивших это взаимодействие, стало подписание Конвенции для защиты литературных и художественных произведений 1911 года. Этот документ, ставший результатом многолетних дипломатических и творческих усилий, был призван урегулировать вопросы авторского права и способствовать свободному обмену произведениями между двумя странами. Россия не входила в Бернскую конвенцию, поэтому Конвенция 1911 года фактически включила Россию в международную систему авторского права. Конвенция 1911 года зафиксировала взаимные обязательства сторон в области защиты интеллектуальной собственности, что было особенно важно в условиях растущего интереса европейской публики к русской литературе и, наоборот, популярности французской словесности в России.

Несмотря на политические потрясения, которые вскоре изменили карту Европы, Русско-французская конвенция 1911 года осталась важной вехой в истории культурного сотрудничества двух стран. Конвенция 1911 года стала прообразом поздних соглашений СССР и России с зарубежными странами. Она не только упрочила связи между интеллектуальными элитами двух стран, но и заложила основы для дальнейшего диалога, который продолжался даже в самые сложные периоды международных отношений.

Вместе с тем российская правовая система в начале XX века отличалась более либеральным подходом к охране прав иностранных правообладателей, в то время как французская модель демонстрировала формально универсальный характер защиты при фактическом ограничении в правоприменительной практике. Принятие Русско-французской конвенции 1911 года расширило для французских авторов объём охраны их прав и преодолевало территориальные ограничения Бернского Союза, а для российских правообладателей ввела дополнительные гарантии во Франции, продемонстрировав преимущества двустороннего регулирования перед многосторонними соглашениями. Условия двусторонней Конвенции 1911 года оказались выгоднее Бернской системы, поскольку защищали произведения, опубликованные вне зоны Бернского Союза, что создавало для России и Франции предсказуемые условия защиты интеллектуальных прав, стало прогрессивным шагом в развитии международного авторского права и привело к трансформации понимания природы переводного творчества в сторону самостоятельности прав авторов производных произведений.

Литература

Алехина, 2006 – Алехина Л.И. Генезис категорий «интеллектуальная собственность» и «Исключительные права» в теории права XVIII – начала XX века: теоретико-правовой и историко-правовой аспекты. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. СПб., 2006. 169 с.

Беляцкий, 1912 – Беляцкий С.А. Новое авторское право в его основных принципах: [С прил. закона об авт. праве]. СПб.: изд. юрид. кн. кл. «Право», 1912. 151 с.

Верхова, 2007 – Верхова Н.Б. Законодательная охрана литературных и издательских прав в дореволюционной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Н. Новгород, 2007. 169 с.

Германо-российский договор..., 1904 – Германо-российский договор «о торговле и судоходстве» от 15 июля 1904 года // *Российский государственный исторический архив (РГИА)*. Ф. 20. Оп. 7. Д. 20.

Д'Оржеваль, 1872 – Д'Оржеваль Р.Б. История литературной собственности во Франции (окончание) / Соч. Роберта Барруа Д'Оржеваля. М.: Унив. тип., ценз., 1872. 59 с.

Доцик, 2008 – Доцик Н.Н. Авторское право в России: XVIII - начало XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2008. 180 с.

Закон..., 20 марта 1911 года – Об авторском праве: Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственною думою закон. 20 марта 1911 г. // *З ПСЗ*. Т. 31. № 34935. Собрание узаконений. 1911. 30 марта. Отд. I. Ст. 560.

Закон..., 1880 – Закон Великого Княжества Финляндского о правах литераторов и художников на произведения их деятельности от 15 марта 1880 года // *Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского*. 1880. № 8.

Канторович, 1916 – Канторович Я.А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. Сист. коммент. к закону 20 марта 1911 г. – с ист. очерком и объясн., осн. на законодат. мотивах, лит. источниках, иностр. законодательствах и судеб. Практике. 2-е изд., знач. доп. Пг.: тип. АО б. «Брокгауз-Ефрон», 1916. 791 с.

Конвенция..., 1861 – «О конвенции, заключенной в Санкт-Петербурге 25 марта / 6 апреля сего года, с Францией о литературной и художественной собственности» // *ПСЗ. Собр. 2. Т. XXXVI. Отдел. 1. № 37137*.

Конвенция..., 1911 – Конвенция для защиты литературных и художественных произведений, заключенная между Россией и Францией 29 ноября 1911 г. // *Известия Министерства иностранных дел*. СПб., 1912. Книга V. С. 11-24.

О прекращении действия..., 1887 – О прекращении действия конвенций о литературной и художественной собственности, заключенных Россией с Францией 25 марта / 6 апреля 1861 г., с Бельгией 18/30 июля 1862 г. / *ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 3159*.

Пиленко, 1894 – Пиленко А.А. Международные литературные конвенции. СПб.: типография Морского министерства, 1894. 555 с.

Седельник, 1986 – Седельник В. Диалог литератур – диалог народов // *Вопросы литературы*. 1986. №9. С. 252-258.

Трактат..., 1857 – Трактат о мореплавании и торговле между Россией и Францией 1857 года / КАУ ВО «Государственный архив Вологодской области». Ф. 14. Оп. 1. Д. 2078. 73 л.

Черкасов, 2011 – Россия и Франция. XVIII–XX века / Ин-т всеобщ. истории РАН / Отв. ред. и сост. П.П. Черкасов. Вып.10. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. 348 с.

Чупова, 2000 – Чупова М.Д. История авторского права в России XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2000. 158 с.

Ястребова, 2009 – Ястребова Е.Ю. Охрана авторских прав в России XVIII – начала XX вв. (историко-правовой аспект). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. СПб., 2009. 246 с.

Débat parlementaire, 1912 – Chambre des députés, annexe au procès-verbal de la séance du 29 décembre, Journal officiel du 8 mai 1912, p. 19.

Décret..., 1852 – Décret, des 28-31 mars 1852 (Propriété intellectuelle des œuvres étrangères) // *Le droit d'auteur. Organe officiel du Bureau de l'Union internationale pour la protection des œuvres littéraires et artistiques*. 15 Novembre 1893. № 11. P. 135.

Duchesne, 1835 – Duchesne André. Dictionnaire de la conversation et de la lecture. Tome XXII [Douchesne]. Paris: Belin-Mandar, 1835. 492 p. P. 222.

Lettre..., 1912 – Lettre du Ministère des Affaires étrangères de France, adressée le 25 juin 1912 au Syndicat pour la protection de la propriété intellectuelle // *Bibliographie de la France*. 15 novembre 1912.

Loi..., 1793 – Loi du 19 juillet 1793 relative aux droits de propriété des auteurs d'écrits en tout genre, des compositeurs de musique, des peintres et des dessinateurs / Bibliothèque nationale de France, département Arsenal, GD-40071 (6).

Rapport..., 1913 – Droit d'auteur. Organe mensuel du Bureau international de l'Union pour la protection des œuvres littéraires et artistiques, a Berne. 15 Mars 1913. N° 8. P. 32.

Villey, 1917 – Villey Edmond. Chronique législative. Revue d'économie Politique. 1917. Vol. 31. Pp. 436-444.

References

Alekhina, 2006 – Alekhina, L.I. (2006). Genezis kategorii «intellektual'naya sobstvennost'» i «Isklyuchitel'nye prava» v teorii prava XVIII - nachala XX veka: teoretiko-pravovoi i istoriko-pravovoi aspekty. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. [The genesis of the categories "intellectual property" and "Exclusive rights" in the theory of law of the XVIII – early XX centuries: theoretical and legal and historical aspects. Dissertation for the degree of Candidate of legal sciences]. SPb. 169 p. [in Russian]

Belyatskin, 1912 – Belyatskin, S.A. (1912). Novoe avtorskoe pravo v ego osnovnykh printsipakh: [S pril. zakona ob avt. prave]. [The new copyright in its basic principles: [With the application of the copyright law]. SPb. [in Russian]

Cherkasov, 2011 – Rossiya i Frantsiya. XVIII–XX veka. In-t vseobshch. istorii RAN. Otв. red. i sost. P.P. Cherkasov. Vyp.10 [Russia and France. XVIII–XX centuries. Institute of general history of the Russian Academy of Sciences. Ed. and comp. P.P. Cherkasov. Is. 10]. M. 2011. [in Russian]

Chupova, 2000 – Chupova, M.D. (2000). Istoriya avtorskogo prava v Rossii KhIKh veka. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. [The history of copyright in Russia of the 19th century. Dissertation for the degree of Candidate of legal sciences]. M., 158 p. [in Russian]

Débat parlementaire, 1912 – Chambre des députés, annexe au procès-verbal de la séance du 29 décembre, Journal officiel du 8 mai 1912, p. 19. [in French]

Décret..., 1852 – Décret, des 28-31 mars 1852 (Propriété intellectuelle des œuvres étrangères). Le droit d'auteur. Organe officiel du Bureau de l'Union internationale pour la protection des œuvres littéraires et artistiques. 15 Novembre 1893. № 11. P. 135. [in French]

D'Orzheval', 1872 – *D'Orzheval', R.B.* (1872). Istoriya literaturnoi sobstvennosti vo Frantsii (okonchanie) [The history of literary property in France (end)]. M. [in Russian]

Dotsik, 2008 – *Dotsik, H.H.* (2008). Avtorskoe pravo v Rossii: XVIII – nachalo XX veka. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk [Copyright in Russia: XVIII – early XX centuries. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences]. M. 180 p. [in Russian]

Duchesne, 1835 – *Duchesne, A.* (1835). Dictionnaire de la conversation et de la lecture. T. XXII [Douché]. Paris: Belin-Mandar. 492 p. P. 222. [in French]

Germano-rossiiskii dogovor..., 1904 – Germano-rossiiskii dogovor «O torgovle i sudokhodstve» ot 15 iyulya 1904 goda (1904) [German-Russian treaty “On Trade and Navigation” dated July 15, 1904]. RGIA. [in Russian]

Kantorovich, 1916 – *Kantorovich, Ya.A.* (1916). Avtorskoe pravo na literaturnye, muzykal'nye, khudozhestvennye i fotograficheskie proizvedeniya. Sist. komment. k zakonu 20 marta 1911 g. [Copyright in literary, musical, artistic and photographic works. A systematic commentary on the law of March 20, 1911]. Petrograd. [in Russian]

Konventsia..., 1861 – «O konventsii, zaklyuchennoi v Sankt-Peterburge 25 marta/ 6 aprelya sego goda, s Frantsiei o literaturnoi i khudozhestvennoi sobstvennosti» [On the convention concluded in St. Petersburg on March 25/April 6 of this year with France on literary and artistic property]. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ). 1861. [in Russian]

Konventsia..., 1911 – Konventsia dlya zashchity literaturnykh i khudozhestvennykh proizvedenii, zaklyuchennaya mezhdu Rossiei i Frantsiei 29 noyabrya 1911 g. [Convention for the Protection of Literary and Artistic Works, concluded between Russia and France on November 29, 1911]. St. Petersburg. 1911. [in Russian]

Lettre..., 1912 – Lettre du Ministère des Affaires étrangères de France, adressée le 25 juin 1912 au Syndicat pour la protection de la propriété intellectuelle. Bibliographie de la France. 15 novembre 1912. [in French]

Loi..., 1793 – Loi du 19 juillet 1793 relative aux droits de propriété des auteurs d'écrits en tout genre, des compositeurs de musique, des peintres et des dessinateurs. Bibliothèque nationale de France, département Arsenal, GD-40071 (6). [in French]

O prekrashchenii deistviya..., 1887 – O prekrashchenii deistviya konventsii o literaturnoi i khudozhestvennoi sobstvennosti, zaklyuchennykh Rossiei s Frantsiei 25 marta. 6 aprelya 1861 g., s Bel'giei 18/30 iyulya 1862 g. [On the termination of the conventions on literary and artistic property concluded by Russia with France on March 25/April 6, 1861, and with Belgium on July 18/30, 1862]. 1887. PSZ. Sobr. 3. T. V. № 3159. [in Russian]

Pilenko, 1894 – *Pilenko, A.A.* (1894). Mezhdunarodnye literaturnye konventsii. [International literary conventions]. SPb. [in Russian]

Rapport..., 1913 – Droit d'auteur. Organe mensuel du Bureau international de l'Union pour la protection des œuvres littéraires et artistiques, a Berne. 15 Mars 1913. 8: 32. [in French]

Sedel'nik, 1986 – *Sedel'nik, V.* (1986). Dialog literatur – dialog narodov [Dialogue of literatures – dialogue of peoples]. *Voprosy literatury*. 9: 252-258. [in Russian]

Traktat..., 1857 – Traktat o moreplavanii i torgovle mezhdu Rossiei i Frantsiei 1857 goda [A treatise on navigation and trade between Russia and France in 1857]. KAU VO «Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti». F. 14. Op. 1. D. 2078. 73 l. 1857. [in Russian]

Verkhova, 2007 – *Verkhova, N.B.* (2007). Zakonodatel'naya okhrana literaturnykh i izdatel'skikh prav v dorevolutsionnoi Rossii. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. [Legislative protection of literary and publishing rights in pre-revolutionary Russia. Dissertation for the degree of Candidate of legal sciences]. Nizhniy Novgorod, 169 p. [in Russian]

Villey, 1917 – *Villey, E.* (1917). Chronique législative. *Revue d'économie Politique*. 31: 436-444. [in French]

Yastrebova, 2009 – *Yastrebova, E.Yu.* (2009). Okhrana avtorskikh prav v Rossii XVIII – nachala XX vv. (istoriko-pravovoi aspekt). Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. [Copyright protection in Russia of the XVIII – early XX centuries (historical and legal aspect). Dissertation for the degree of Candidate of legal sciences]. SPb. 246 p. [in Russian]

Zakon..., 20 marta 1911 goda – Ob avtorskom prave: Vysochaishe utverzhdenyi odobrennyi Gosudarstvennym sovetom i Gosudarstvennoyu dumoyu zakon. 20 marta 1911 g. (1911) [On copyright: A highly approved law approved by the State Council and the State Duma. March 20, 1911]. 3 PSZ. T. 31. № 34935. Sbornie zakonov. 1911. 30 marta. Otd. I. St. 560. [in Russian]

Zakon..., 1880 – Zakon Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo o pravakh literatorov i khudozhnikov na proizvedeniya ikh deyatelnosti ot 15 marta 1880 goda (1880) [The Law of the Grand Duchy of Finland on the Rights of Writers and Artists to the works of their Activity dated March 15, 1880]. Sbornik postanovlenii Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo. 1880. № 8. [in Russian]

Влияние Русско-французской конвенции 1911 года на развитие авторского права в Российской империи

Екатерина Александровна Свиридова^{а, *}, Руслан Владимирович Мамедов^а,
Гульнара Флюровна Ручкина^а, Ларина Татьяна Викторовна^а

^а Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены правовое значение и специфика положений Русско-французской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1911 года. Значительное внимание уделяется анализу архивных и историко-правовых документов, а также сравнительному историко-правовому исследованию содержания национальных законодательств Российской империи и Французской Республики и их соотношения с нормами Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 года, пересмотренной в Берлине 13 ноября 1908 года. Дополнительным источником исследования выступили международные договоры и правовая доктрина конца XIX – начала XX века, позволившие прийти к выводу о сложном и асимметричном характере взаимного предоставления охраны авторских прав между двумя странами. В статье анализируются ключевые аспекты Конвенции: критерий места первой публикации, охрана фотографических произведений, право на перевод и механическое воспроизведение музыкальных произведений. Цель настоящего исследования заключается в проведении историко-правового анализа влияния двусторонней Конвенции 1911 года на развитие авторско-правовых отношений между Россией и Францией. Сделан вывод о том, что Конвенция не смогла полностью обеспечить принцип взаимной и равноценной авторско-правовой защиты из-за различий в национальных законодательствах. Доказывается, что закон Российской империи от 20 марта 1911 года *de jure* предоставлял более широкую защиту иностранным произведениям, однако её реализация для французских авторов стала возможной лишь после заключения Конвенции 1911 года. Формулируется вывод о значительном преимуществе, которое Конвенция предоставила французским авторам на российском рынке, в то время как российские авторы получили лишь частичную дополнительную защиту во Франции. На основе анализа института «юридического оригинала» и правил о переводе делается вывод о прогрессивном характере российского законодательства, способствовавшего культурному обмену.

Ключевые слова: Русско-французская конвенция 1911 года, история авторского права, закон 1911 года, Бернская конвенция, право на перевод, механическое воспроизведение, взаимность, охрана фотографий.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: esviridova@fa.ru (Е.А. Свиридова), rvmamedov@fa.ru (Р.В. Мамедов), gruchkina@fa.ru (Г.Ф. Ручкина), tvlarina@fa.ru (Т.В. Ларина)